
МОДЕРНИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ-СОЦИОЛОГОВ

Н.М. Плискевич

В статье рассматриваются проблемы идеологии китайских реформ в интерпретации китайских ученых. Материалом для анализа послужил Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001–2010), отражающий концепцию, разработанную Центром исследования модернизации Китайской академии наук под руководством профессора Хэ Чуаньци. В основе этой концепции лежит идея создания условий для успешной конкуренции китайской экономики, прежде всего в международной сфере. Отмечаются и проблемы, с которыми может столкнуться Китай при пренебрежении институциональными аспектами модернизации.

Ключевые слова: китайская экономика, модернизация, конкуренция, международная конкуренция.

Сегодня в России слово «модернизация» все более и более «затирается», отходит в область пропагандистских клише. Связано это с тем, что в последние годы о модернизации много говорилось, но реальных шагов в нужном направлении все еще не просматривается. И все же нельзя не признать, что именно от глубокой модернизации страны – ее экономики, общества и институциональной структуры – зависит будущее.

О необходимости модернизации в глобальном мире, вступающем в новую эру «экономики знаний», задумываются не только в России. Представляется полезным выяснить, как к этим проблемам относятся в других странах, прежде всего в тех, чьи экономические успехи последних десятилетий многим

в России представляются эталонными. Бесспорно, когда речь заходит о таких странах, на первом месте возникает Китай. Тем интереснее узнать, как сами китайские коллеги оценивают уже достигнутое их страной и какие пути его дальнейшего развития намечают.

Такую возможность дает Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010), выпущенный в 2011 г. московским издательством «Весь мир» (ответственный редактор русского издания – член-корреспондент РАН Н.И. Лапин; далее – Доклад). Эта книга содержит общую характеристику концепции стадийного анализа модернизации, разработанную Центром исследования модернизации Китайской академии наук под руководством профессора Хэ Чуаньци, дополненную десятью докладами о модернизации в мире и Китае, которые посвящены разным аспектам этого процесса и ежегодно готовились с 2001 по 2010 г. Русский перевод книги дополнен также специальным разделом, посвященным индикаторам модернизации в России.

Знакомство с книгой позволяет глубже понять, как китайские ученые относятся к проблемам модернизации, какие цели ставят перед своей страной и перед собой как исследователями, как собираются их достигать. И этот взгляд, думается, позволяет глубже понять сам дух китайских реформ, прежде всего их связь с глобальными процессами модернизации. Именно способы встраивания китайского пути развития в мировой контекст – основная идея книги, отражающая ведущую идею всего китайского движения по пути модернизации (это явно чувствуется при чтении докладов, объединенных в издании).

На наш взгляд, уроки данного исследования можно разделить на две части – инструментальную и идеолого-методологическую. К инструментальной можно отнести разработанную в Центре исследования модернизации систему индексов, позволивших сравнить уровни модернизации в 131 стране мира. При этом согласно концепции Хэ Чуаньци модернизация – хотя и глобальный, но нелинейный и неравномерный процесс, и сопоставляемые

© Плискевич Н.М., 2013 г.

страны были разделены на страны с низким, предварительным, средним и высоким уровнем модернизации, соответствующим эволюции человечества от первобытного к аграрному, затем – к индустриальному обществам и, наконец, к обществу знаний.

Для современного мира также крайне важен фактор перехода от первичной модернизации, связанной с индустриализацией, ко вторичной, обусловленной вступлением мира в информационную эру. Такое разделение – основа теории интегральной модернизации Хэ Чуаньци. Эта оригинальная теория развивает положения и классической теории модернизации, и теории постмодерна, и ряда других. Автор характеризует ее и как общую теорию модернизации, и как теорию развития цивилизации, отмечая, что каждая стадия модернизации и соответственно цивилизационного развития проходит четыре фазы – начало, развитие, расцвет и переход к следующей стадии. Однако это не значит, что, например, страна не может перейти к следующей стадии, не завершив полностью (во всех компонентах и во всех регионах) все модернизационные процессы предшествующей. Тем более что мировое развитие, как известно, крайне неравномерно. Возможно и одновременное развитие элементов как первичной (индустриальной), так и вторичной (постиндустриальной, информационной) модернизации. Именно этот путь китайские ученые считают наиболее целесообразным для своей страны с учетом ее региональной разнородности.

Эту мысль они, в частности, подкрепляют ярким метафорическим образом реки Янцзы. Они выделяют верхнее течение этой реки со следами первобытного общества и хозяйства, среднее течение – с присущими ему чертами аграрного общества. Далее следуют провинции нижнего течения, уже охваченные процессом индустриализации. Наконец, район впадения Янцзы в Восточно-Китайское море (эстуарий) с его знаменитой экономической зоной провинции Шанхай по праву отнесен к четвертой стадии модернизации, связанной с обществом и экономикой знаний. Все

эти столь различные по уровню развития районы должны быть включены в общий модернизационный процесс. Поэтому во главу угла где-то требуется поставить задачи первичной (индустриальной) модернизации, где-то – вторичной (постиндустриальной), а где-то – сочетать эти две стадии модернизации в наибольшей степени в соответствии возможностями текущего момента: «Развивающиеся страны могут либо координировать пути развития первичной и вторичной модернизации, либо идти путем интегрированной модернизации» (с. 45), т.е. сочетать в разных пропорциях тот и другой путь. Сама же всемирная модернизация определяется как диверсифицированная, т.е. характеризующаяся базовыми принципами, согласно которым этот процесс асинхронен, его уровни и элементы неравномерно распределены в пространстве, а структура их распределения относительно стабильна.

При этом разработанная под руководством Хэ Чуаньци система индексов позволяет отслеживать процесс модернизации, выделяя в нем признаки как первичной, так и вторичной модернизации, а также давая вероятностные прогнозы изменения уровней региональной модернизации на ближайшее 20 лет.

Индекс первичной модернизации согласно концепции Хэ Чуаньци включает следующие показатели: доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых; доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве в ВВП; доля городского населения; число врачей на 1000 человек; уровень детской смертности; ожидаемая продолжительность жизни; уровень грамотности среди взрослых; доля получающих высшее образование среди населения в возрасте 20–24 лет.

Индекс вторичной модернизации состоит из *индекса инноваций* (соотношение затрат на НИОКР и ВВП; число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР на 10 тыс. человек; число жителей, получивших патент, на 1 млн человек); *индекса передачи знаний* (доли лиц со средним и высшим образованием; распространенность телевидения и Интернета); *индекса качества жизни*

(доля городского населения; число врачей на 1000 человек; уровень детской смертности; ожидаемая продолжительность жизни; потребление энергии на душу населения); *индекса качества экономики* (ВНП на душу населения; ВНП на душу населения по ППС; доля добавленной стоимости в материальной сфере; доля труда в материальной сфере).

Наконец, *индекс интегрированной модернизации* включает *экономический индекс* (ВНД на душу населения; ВНД на душу населения по ППС; доля добавленной стоимости в сфере услуг; доля занятых в сфере услуг); *социальный индекс* (доля городского населения; число врачей на 1000 человек; ожидаемая продолжительность жизни; экологическая эффективность); *индекс знаний* (финансирование инноваций в знаниях; патенты на инновации; совокупная доля студентов вузов в населении; распространенность Интернета).

Согласно расчетам китайских ученых в течение ближайших 20 лет до 80% регионов Европы и Азии как с высоким, так и с низким уровнем развития сохранят свой статус. Однако пятая часть этих регионов может его изменить: снизится он у высокоразвитых регионов и, наоборот, повысится у слаборазвитых; причем до 5% слаборазвитых регионов могут «перескочить» сразу в группу среднеразвитых. Менее стабильна ситуация в странах, находящихся на промежуточных уровнях модернизации. Здесь удержать свой статус смогут от 60 до 70% и, соответственно, 30–40% – изменить его, причем в сторону не только улучшения (10–20%), но и снижения (до 10%).

Индексы модернизационных процессов в 131 стране в 2006 г. (последний год, данные о котором попали в Доклад) позволяют выявить соотношение состояния этих стран на модернизационном поле (с. 53–57). В соответствии с ними Китай по состоянию на 2006 г. помещен в группу предварительно развитых стран и находится на 68-м месте по уровню первичной модернизации, осуществив ее на 87%, и на 70-м месте – по уровню вторичной модернизации, проведенной на 40%. Уровень же интегрированной модернизации Китая оценивает-

ся в 38%, что вывело страну на 75-е место по этому комплексному критерию.

Россия согласно предложенной китайскими учеными методике сравнения выглядит существенно лучше. Она находится в группе среднеразвитых стран, практически завершивших первичную модернизацию (на 97%, причем то, что данный показатель не достиг 100%, обусловливается влияющими на данный индекс низкими для развитых стран показателями продолжительности жизни – важным критерием уровня социального развития), что позволило России занять 41-е место. Индекс вторичной модернизации России равен 66%, что выводит ее на 31-е место. Наконец с 59%-м уровнем интегрированной модернизации наша страна занимает 37-е место.

В целом в нарисованной китайскими исследователями картине положение нашей страны на модернизационном поле существенно лучше, чем остальных стран БРИК – Бразилии и Индии, первая из которых отнесена, как и Китай, к предварительно развитым странам, а вторая – даже к отстающим в плане модернизации. У Бразилии показатель первичной модернизации составляет 96% (46-е место), вторичной – 49% (46-е место), интегрированной – 56% (41-е место). Для Индии показатель первичной модернизации составил 65% (91-е место), вторичной – 25% (97-е место), интегрированной – 28% (93-е место).

Среди постсоветских, равно как и постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, Россия по уровню модернизации занимает удовлетворительные, хотя и не лидирующие позиции. Она уступает Словении (24-е место по уровню интегрированной модернизации), Чехии (29-е место) и Венгрии (28-е место), а также Эстонии и Латвии (25-е и 27-е места соответственно), но опережает другие постсоветские республики и большинство постсоциалистических стран Европы, включая Польшу (38-е место), Словакию (36-е место), Болгарию (46-е место).

В целом согласно расчетам, проведенным китайскими учеными, положение России в общемировой картине модернизации, хотя и

не идеальное (она не входит в список развитых стран), но все же достаточно благоприятное – она находится в первой части списка средне-развитых стран, где, помимо прочих, находятся и такие страны, как Италия, Испания и Португалия. Однако все это не очень сочетается с нашей собственной неудовлетворенностью тем, как развиваются модернизационные процессы в нашей стране, с ощущением того, что Россия все больше и больше проигрывает именно в плане модернизации. Ведь общеизвестны такие, например, факты, как бегство капитала из страны. А недавно поставленная В. Путиным задача резкого подъема рейтинга инвестиционной привлекательности страны, перемещения со 120-го на 20-е место по этому показателю, была воспринята многими экономистами, политиками и политологами как явно утопическая. Между тем модернизация в современном мире предполагает качественное переустройство всей экономики, невозможное без огромных капиталовложений, без усилий не только государства, но и частного бизнеса, способного быстро улавливать новые направления инвестирования и оперативно осуществлять соответствующие капиталовложения, не будучи обремененным бюрократическими ограничениями. Но для этого нужна модернизация всей политической, институциональной и социальной среды. Пока такой модернизации не произойдет, все надежды на привлечение инвестиций, а значит, и на модернизационный экономический рывок тщетны.

Правда, индексы китайских ученых не учитывают институционального аспекта модернизации. Они опираются на комплекс прежде всего количественных показателей, отражающих уровни модернизации в экономическом, информационном, социальном и других секторах. При этом уровень модернизации в сфере политики не рассматривается вовсе (что не удивительно, если принять во внимание общественный строй КНР). Однако при всей важности количественных показателей трудно рассчитывать на точность такого способа измерения уровня модернизации и особенно модернизационного потенциала страны.

Во-первых, следует различать формальное и реальное наполнение того или иного показателя. Например, статистические данные об уровне образования населения фиксируют лишь число людей с неполным средним, средним, средним специальным, высшим образованием, но не отражают его качества. Между тем разные учебные заведения, разные педагоги даже при наличии утвержденных стандартов дают знания разного качества, разной глубины, по-разному прививают ученикам умение пользоваться полученными знаниями в различных ситуациях и т.п. Многое зависит и от способностей и прилежания самих учащихся. Все это не может не сказываться на дальнейшей деятельности выпускников, владеющих теми или иными дипломами об образовании: формально они одного уровня, но реально – разного качества. Современная экономика, прежде всего экономика знаний, чем дальше, тем больше оказывается чувствительной к таким качественным нюансам.

Или такой универсальный показатель, как ВВП или ВВП на душу населения, сам по себе не раскрывает того, за счет чего он достигнут – за счет высокой доли современного производства, продукции «экономики знаний» или усиленной эксплуатации природных ресурсов. Причем, как свидетельствует опыт нашей страны, последнее обстоятельство может тормозить, а не способствовать модернизационным процессам: ренты, получаемой от продажи природных ресурсов, хватает для удовлетворения текущих нужд, и у элиты при всех разговорах о необходимости модернизации нет достаточных стимулов для конкретных действий в этом направлении.

Бесспорно, важный индикатор модернизационных процессов (особенно на этапе индустриализации) – доля городского населения. Но как при этом оценить, насколько новые горожане, только что пришедшие из деревни, смогли впитать в себя новую для них городскую культуру и в какой степени сама новая городская среда, ускоренно формируемая в соответствии с мобилизационными принципами, часто используемыми странами в условиях догоняюще-

го развития, соответствует общим закономерностям урбанизации. Просчеты в этой области, как свидетельствует, в частности, опыт нашей страны, чреват искажением урбанизационных процессов, которое порождает впоследствии особый кризис незавершенной урбанизации (см., например, (Вишневский, 1998)).

Разумеется, комплексные индексы строятся таким образом, чтобы смягчить дефекты отдельных входящих в них показателей, но сделать это можно далеко не всегда и не в полной мере. Кроме того, значение отдельных общепотребительных в мировой практике индексов меняется по мере перехода от одной стадии модернизации к другой. Так, широко используемый в международных сравнениях индекс развития человеческого потенциала подходит для оценки процессов индустриальной модернизации, но при переходе к задачам постиндустриального развития этот индикатор (один из четырех компонентов которого – уровень простой грамотности населения), на наш взгляд, теряет свое значение. Не случайно этот индекс с 2010 г. в структурах ООН стал рассчитываться по-другому (это касается прежде всего критериев оценки образования и уровня доходов). Такие старые критерии, как, например, уровень грамотности, теряют значение точных индикаторов уровня развития.

Во-вторых, одни и те же показатели могут по-разному проявлять себя в различной институциональной среде. Фактор различий такого рода китайскими учеными не учитывается. Для России же, думается, именно несоответствие модернизационным задачам сложившейся за последнее 20-летие институциональной среды становится ключевой проблемой модернизации страны. В этой среде наличие даже самых благоприятных с формальной точки зрения показателей не означает, что ситуация аналогична той, на которую рассчитывали реформаторы, внедрявшие те или иные инновации. Например, Россия – страна с самым большим в мире числом врачей, приходящихся на 1000 человек населения. Этот показатель учитывается и при составлении китайских индексов социальной

модернизации. Однако даже такое рекордное число медиков не отменяет общеизвестного факта тяжелого кризиса отечественного здравоохранения. Очевидно, что без серьезной институциональной перестройки не только собственно системы здравоохранения, но и всех социально-экономических отношений вывести эту отрасль на рубежи, соответствующие стандартам развитых стран, невозможно.

Представляется, что при всей важности работы китайских коллег, предложивших единую методику измерения уровней модернизации в 131 стране мира и на этой основе сделавших возможным их сопоставительный анализ, к количественному аспекту данного исследования имеет смысл подходить с осторожностью, учитывая неизбежную приблизительность формально-количественных подходов, не учитывающих многих качественных моментов. Впрочем, и сами китайские ученые признают определенную ограниченность разработанных ими индексов, которые «отражают количественные изменения в человеческой цивилизации (а не качественные). Таким образом, индексы глобальной модернизации отражают лишь часть содержания модернизации, и ссылаться на них надо с большой осторожностью» (с. 59). В другом месте в Докладе, посвященном социальной модернизации, т.е. процессам, во многом выходящим за рамки количественного анализа, прямо указано, что применяемые методы «лишь обрисовывают картину для дальнейших исследований, а не являются исчерпывающим описанием социальной модернизации» (с. 134–135). Но в то же время такая приблизительность не столь важна в процессе сопоставительного межстранового анализа уровней модернизации, где на первый план выдвигается возможность сравнения разных стран по единым критериям и на этой основе определенного их ранжирования.

Однако, как нам представляется, ценность работы китайских ученых не исчерпывается инструментальным подходом. Не меньший интерес представляет идеологическая устремленность авторов, которой буквально пронизана вся книга. Можно даже ска-

зять, что модернизация предстает здесь как некая национальная идея. Говоря об истории своей страны, ее славном прошлом, в котором есть такие великие изобретения, как бумага, печатный станок, оружейный порох, компас, столетия и даже тысячелетия, на протяжении которых она находилась среди мировых лидеров, авторы признают, что Китай «упустил возможность проведения промышленного переворота, не осуществил модернизацию вовремя, хотя она длилась около 200 лет, и заплатил за это высокую цену» (с. 79). Поэтому идея преодоления отставания, достижения уровня экономического развития передовых держав предстает и как важнейшая цель государства, и как ценностный ориентир.

Текст книги пропитан, с одной стороны, сожалением и даже горечью об упущенных страной шансах, а с другой – желанием преодолеть отсталость и войти в число передовых стран. Чувствуется, что это желание даже обретает форму общенациональной ценности. При этом особый интерес представляет то, как китайские ученые описывают и сам процесс модернизации, и конкретное место своей страны в этом процессе, и ее стратегию.

Прежде всего, модернизация видится им как глобальный процесс, и попытки уклониться от него под предлогом поиска некоего «особого пути», чем нередко грешат наши идеологи, представляется ошибочной. В книге подчеркивается, что «модернизация одновременно является всемирным трендом и социальным выбором. Кто-то просто принимает ее как данность, а кто-то целенаправленно идет по пути модернизации – и скорость движения в этих случаях будет неравной. Но и те, кто не могут принять модернизацию и предпочитают сохранять традиционный или существующий уклад жизни, все равно испытывают на себе социальные перемены, при этом разрыв в уровнях материальной обеспеченности между ними и лидерами цивилизации будет становиться все больше и больше» (с. 34).

Такое целенаправленное движение к модернизации Китай демонстрирует последние три десятилетия, стремясь наверстать упущен-

ное на пути догоняющего развития. Китайские ученые подчеркивают, что по типу эта модернизация – именно догоняющая (с. 242), что она охватывает не только экономические, но и социальные, и экологические, и культурные процессы (об этих, как и некоторых иных аспектах модернизации подготовлены особые доклады). Причем, с их точки зрения, догоняющее развитие имеет свои преимущества, так как идущие данным путем страны, «имея перед глазами успешные примеры ее (модернизации. – Н.П.) проведения, могут избежать досадных ошибок, тормозящих процесс», а потому – оказываются в более выгодном положении (с. 138).

В целом Хэ Чуаньци и его коллеги видят модернизацию одновременно и как всемирно-исторический процесс, и как результат сознательного выбора страны. При этом подчеркивается, что модернизацию во всех ее формах нельзя рассматривать как некое раз и навсегда данное состояние: это динамичное состояние общества, и оно может (и должно) изменяться. Страна может не только стабильно пребывать на том или ином уровне развития (и такова участь 80–90% стран), но и изменять свой статус; причем вероятен как прогрессивный, так и регрессивный тренд. В частности, по приводимым в Докладе расчетам за 1960–2003 гг. 12% развитых стран опустились до уровня развивающихся, а 6% развивающихся поднялись на следующую ступень (с. 138).

В верности пути модернизации у китайских ученых нет сомнений: «Осуществление модернизации – наша национальная задача» (с. 141); «модернизация была целью многих поколений китайского народа» (с. 73). Но что же должна делать страна, сознательно вставшая на путь модернизации? Какова должна быть ее стратегия в современном мире?

Для этого необходимо прежде всего определить содержание самого термина «модернизация». Под модернизацией китайские ученые понимают как процесс развития с привнесением в него «современных черт», так и состояние, являющееся конечным результатом этого процесса. При этом с характерным для китайского менталитета отношением ко

времени они отмечают: «“Современные черты” – относительно новые характеристики и последние изменения, появившиеся в рассматриваемой области в ближайшие исторические периоды времени, примерно после 1500 г. н.э. Чаще всего под этим определением понимаются самые новые, наиболее развитые и прогрессивные характеристики определенного объекта» (с. 74). С таким погруженным в глубины веков определением соседствует другое определение модернизации – как «процесса достижения высокого уровня развития в масштабах мира или описание состояния в контексте общемирового уровня развития» (с. 74). Прилагательное «модернизированный», читаем далее, «является характеристикой объекта, находящегося на высоком уровне мирового развития или удовлетворяющего требованиям современности» (с. 75).

В целом можно сказать, что в различных определениях, разбросанных на страницах книги, выделяется идея модернизации как глобального тренда цивилизационного развития, в той или иной степени охватывающего все государства. И чтобы страна преуспела в этом процессе, она должна вступить в *конкурентное соревнование* с другими странами.

Так, тема конкуренции как движителя модернизации страны выдвигается на первый план. В качестве одного из теоретических выводов концепции Хэ Чуаньци постулируется: «Модернизация – форма международной конкуренции, в ходе которой различные страны стремятся достичь высокого уровня мирового развития, удержать и развить их» (с. 76). В другом месте модернизация называется частью международной конкуренции (с. 46). Подчеркивается, что «развитие стран и народов не может происходить без учета международной конкуренции и ресурсов» (с. 104). Или, используя синонимичный конкуренции термин «соревнование», авторы заявляют, что «всемирная модернизация является международным соревнованием, участницей которого становится каждая страна, начинающая этот процесс» (с. 50).

Вся политика Китая последних десятилетий свидетельствует о том, что такой под-

ход – отнюдь не умозрительное построение ученых. Это стержень целенаправленной деятельности, в которой и китайское руководство, и предприниматели с азартом участвуют. Ученые же дают этой политике обоснование. В частности, в начале доклада 2005 г. об экономической модернизации говорится: «Поскольку в разных странах ситуация со временем изменялась, периодически смещался и мировой экономический центр. Фактически экономическая модернизация является одновременно глобальной революцией в экономике и всемирным экономическим соревнованием. Страны здесь являются основными конкурирующими единицами» (с. 118).

После провалов экономической политики Мао Цзэдуна, еще больше усугубившей экономическое отставание страны с миллиардным населением, в значительной части находившемся на грани голода, руководство выбрало курс международной экономической конкуренции, используя как свое конкурентное преимущество огромное количество дешевой рабочей силы. Кроме того, в руках руководителей страны было сильное авторитарное государство, способное проводить первичную (индустриальную) модернизацию по мобилизационному образцу. Для этого в современном мире надо было создать четкие и простые правила для притока иностранных инвестиций, а с ними – и технологий современных производств, равно как и обеспечить реальное соблюдение этих правил¹.

¹ Созданные в стране гарантии собственности устраивают иностранных инвесторов, которые в последние десятилетия в немалой степени способствовали росту китайской экономики. Серьезный вклад в это внесла и масштабная государственная поддержка. Хотя в отношении нее некоторые ученые сомневаются в том, что, будучи именно государственной, она оказывается достаточно эффективной. В частности, указывается, что «рост экономики Китая в 2009–2010 гг. составил около 18% при увеличении объема кредитования на 50%, реализации инвестиционной программы в объеме 600 млрд долл. (соответствует 13% ВВП Китая), росте задолженности центрального и особен-

По сути, в чем-то схожие черты этого «китайского чуда» последних десятилетий можно увидеть и в истории советской индустриализации времен первых пятилеток. Правда, есть и качественное отличие. Мобилизационный план советской индустриализации был нацелен на скорейшее создание производств, прежде всего обслуживающих оборонные нужды. Китайский мобилизационный план был иным: победить в конкурентной борьбе на мировых рынках, стать важнейшим мировым поставщиком дешевых товаров массового потребления, вытеснив соперников с их национальных рынков. Мировому капиталу были предложены привлекательные условия для размещения в Китае своих производств, с них и началась ускоренная индустриальная модернизация страны. Затем с учетом перехода развитых стран на новые, постиндустриальные рубежи развития в Китае также стали развиваться высокотехнологичные производства, создаваться структуры, типичные для вторичной модернизации, соответствующей требованиям экономики знаний. И этот процесс отражен в теории Хэ Чуаньци, ориентирующей страну на продолжение проводимой политики мобилизации всех сил на решение модернизационных задач, причем одновременно задач первичной, и вторичной модернизации.

Однако мобилизационные методы при всей их эффективности на первых этапах модернизации, прежде всего индустриальной, все же не соответствуют сложности задач модернизации вторичной. Если индустриальная модернизация предполагает в первую очередь

но региональных правительств» (Институциональные ограничения..., 2011, с. 225). Действительно, эти данные свидетельствуют о гигантских усилиях государства по поддержанию экономики страны в условиях кризиса, и, возможно, если бы Китай обладал более совершенными финансово-экономическими институтами, отдача от этих вложений была бы выше. Но в то же время нельзя не признать, что никому, кроме государства, не удалось бы в кратчайший срок мобилизовать такие ресурсы и создать ситуацию, в которой частный капитал не побежал бы из страны.

решение проблем организации крупных производств, координацию усилий значительного числа частичных работников, в том числе в рамках конвейерного производства, то проблемы экономики знаний другие. Здесь требуется прежде всего создание условий для успешной реализации новых идей, их опытной разработки и быстрого тиражирования. Акцент должен быть сделан не на организацию массового коллективного действия, что в какой-то степени соответствует мобилизационным принципам, а на создание условий для успешного продвижения инноваций, обычно связанных с усилиями отдельных небольших групп инноваторов. Для решения таких задач требуется глубокая институциональная модернизация, а ее китайские исследователи в свой блок модернизационных проектов не поместили. Более того, как, например, подчеркивают Т. Заславская и М. Шабанова, «модернизация экономики невозможна без модернизации общества... Говоря о предметном содержании модернизации, мы подчеркиваем движение не только к более конкурентоспособной экономике, но и к более конкурентоспособному обществу...» (Заславская, Шабанова, 2012, с. 8).

Возможно, это связано с общеполитическими и идеологическими ограничениями, которые осознанно или неосознанно накладывают на себя китайские коллеги. Возможно, они искренне полагают, что при опоре на сильное государство можно сохранить ту институциональную матрицу, которая сложилась в предшествующий период, что эта матрица не будет препятствовать развитию процессов вторичной модернизации, а, напротив, ее можно будет провести теми же мобилизационными методами. Не исключено, например, что опыт «перестройки» в нашей стране, сопровождавшейся резким ослаблением государственных институтов, привел их к выводу, что риски ослабления государства при демонтаже структур, связанных с коммунистической партией, гораздо выше рисков, обусловленных противоречиями между требованиями вторичной модернизации и мобилизационными принципами, показавшими

свою успешность на этапе первичной модернизации. Правда, в данном случае Россия не может служить тому примером. Более того, пренебрежение основным тезисом китайских ученых, согласно которому модернизация – и цель, и движитель международной конкуренции, приводит к тому, что Россия теряет одну за другой конкурентные ниши на глобальном рынке товаров (см. (Maу, 2012, с. 58)).

При этом, возможно, не учитывается, что экономика знаний предполагает не столько тиражирование результатов инновационной деятельности, полученных в других странах, сколько их расширенное производство в собственной стране. Только так можно выйти вперед в международной конкуренции на этапе вторичной модернизации. А для этого требуется иная организация труда инноваторов, создание особых условий не только для них, но и для тех, кто способен быстро тиражировать результаты их разработок.

Думается все же, что сам инструментальный подход к оценке модернизации ведет к фактическому пренебрежению качественными аспектами разворачивающихся процессов. Это, в частности, сказывается на докладах, посвященных социальной и культурной модернизации, ведет к преуменьшению проблем в этой сфере. Например, вряд ли верен тезис, основанный на использовании авторами исключительно количественных критериев, согласно которым в начале 2000-х гг. «разрыв Китая с международным уровнем социальной модернизации ниже, чем по уровню экономической» (с. 141), особенно если учесть рост социальных проблем – причем неизбежный – в старой институциональной среде при углублении процессов вторичной модернизации. Ведь, как замечают сами авторы доклада, социальная модернизация должна быть «средством позитивной социальной адаптации» (с. 137). И сможет ли старая институциональная среда обеспечить для этого должные условия?

Свои проблемы в процессы модернизации Китая вносит и экономический кризис, вызвавший падение спроса на экспортную продукцию. Был взят курс на расширение вну-

тренного рынка с тем, чтобы покрыть потери на внешних рынках. Однако для такого маневра нужно резкое расширение внутреннего платежеспособного спроса, а это в свою очередь может отрицательно сказаться на общей конкурентоспособности китайских товаров, опирающейся на относительную дешевизну рабочей силы. В том же направлении действуют и растущие требования международных организаций к экологическим аспектам китайского производства. Все менее возможным становится пренебрежение экологическими требованиями со стороны предприятий, что наблюдалось в предшествующие десятилетия.

Не исключен и такой вариант развития кризисных событий, при котором международные корпорации, разработав принципиально новые технологии, требующие более квалифицированной рабочей силы, сочтут более выгодным для себя возвращение основных производств «на историческую родину», т.е. в развитые страны, что, помимо прочего, будет способствовать смягчению там социальных проблем, связанных с занятостью населения. Такая смена вектора способна нанести чувствительный удар по позициям Китая в международном разделении труда, обострив процессы международной конкуренции.

Но все же главная проблема, как представляется, – в самой выбранной китайским руководством модели, когда стремление одновременно проводить и первичную, и вторичную модернизацию сочетается со стагнацией в институциональном обеспечении данного процесса. Особенно это касается вторичной модернизации. В результате уже в первой половине 2000-х гг. в китайском обществе созрели противоречия между субъектами разных стадий модернизации (не только индустриальной и постиндустриальной экономики, но и крестьянства, которое, как некогда в России, оказывается в положении донора для развития более модернизированных секторов). На это, в частности, указывал Э. Тоффлер, посвятивший свои исследования анализу трех модернизационных волн – аграрной, индустриальной, информационной. «В современ-

ном Китае, – писал он, – наличествуют все три волны, каждая из которых отражает радикально отличные от других потребности и интересы, – и все они противостоят правительству с беспрецедентным напором». А потому «экономическое продвижение Китая не будет проходить по прямой, без конфликтов и столкновений. Ему не избежать борьбы воли» (Тоффлер Э., Тоффлер Х., 2008, с. 468–469).

Однако будем надеяться, что осознавшие значение модернизационных процессов как ключевых в современном мире китайские ученые смогут найти достойный выход из грозящих стране кризисных явлений. И возможно, одним из направлений таких поисков станет включение в анализ темы институциональной модернизации как необходимого компонента всего модернизационного процесса, особенно на этапе перехода его к современной экономике знаний.

Литература

- Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: О.Г.И., 1998.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 2. Инновационный потенциал и потребность его модернизации // Общественные науки и современность. 2012. № 5.
- Институциональные ограничения современного экономического роста. М.: Дело, 2011.
- May В.А. Риски и вызовы социально-экономического развития страны // XII международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. Кн. 1. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2012.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ: Профиздат, 2008.

Рукопись поступила в редакцию 27.08.2012 г.

СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЫНКА ПРОИЗВОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Н.В. Коновалова

Слабая разработка вопросов системности рынка производных инструментов предопределяет в значительной степени разногласия ученых в определении сущности рынка производных инструментов, классификации его функций и элементов и структурировании. Модель понимания рынка производных инструментов построена на принципах системного подхода. Исследуются вопросы структуры и содержания системы рынка производных инструментов.

Ключевые слова: рынок производных инструментов, системный подход, финансовый рынок, хеджирование.

Объективный характер рынка производных инструментов возлагает на государство обязанность создать комплекс мероприятий, направленных на организацию условий его существования и развития в рамках действующего правопорядка. В связи с этим встает вопрос об определении таких методов (механизмов) воздействия на рынок производных инструментов, которые не нарушают его целостности, оптимизируют структуру, взаимосвязи и взаимоотношения между элементами рынка, что в итоге позволит ему эффективно функционировать и развиваться. Необходимость решения этой задачи, надо полагать, стала причиной появления в финансово-правовой науке исследований характерных черт операций, осуществляемых на этом рынке.

© Коновалова Н.В., 2013 г.